

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШИХ КУЛЬТУРНО-ПИСЬМЕННЫХ
БОЛГАРО-РУССКИХ КОНТАКТАХ

Румяна Павлова

/София/

Разнообразная и богатая проблематика, связанная с христианизацией Древней Руси, как это хорошо известно, включает и многоаспектные болгаро-восточнославянские взаимоотношения. Едва ли можно считать, что 988 г. является началом этих взаимоотношений¹. После авторитетных работ М.Н. Сперанского, М.Н. Тихомирова, В. Мошина, Б. Ангелова и др. положение о том, что "проникновение болгарской книги в восточнославянские земли началось еще в период неофициального распространения здесь нового вероучения"² выглядит весьма приемлемым. Это означает, что болгарско-русские и русско-болгарские культурно-исторические, и литературно-языковые взаимоотношения, отличающиеся своим многообразием и богатством, продолжают больше тысячелетия.

Благодаря сложившимся историческим обстоятельствам Болгария официально приняла христианство значительно раньше -- в 864 г. Девятое и десятое столетия известны как золотое для древнеболгарской культуры время. Вероятно, древнеболгарские книги стали распространяться в Киевском государстве еще во время княгини Ольги, которая была христианкой. Это означает, что хотя бы при ее дворе должны были быть славянские священные книги /известно, что греческого языка Ольга не знала и поехала в Царьград с двумя переводчиками/. Такие книги должны были иметь и христианские общины в Киевской Руси, даже если предположить, что они были малочисленны и имели только церковь святого Ильи, о которой сообщается в Повести временных лет. Известно, что для любой церкви был необходим хотя бы минимальный набор церковных книг: евангелие, апостол, служебник с требником, псалтырь, часослов, сокращенный октоих, сокращенная триодь -- постная и цветная, праздничная минея и паримейник³. В X в., как об этом пишет В. Мошин, все это легко могло быть получено из Болгарии при Игоре и

Ольге. При Владимире и особенно после 988 г. поток болгарских книг явно усилился. Но связанные с болгарскими протографами, восточнославянские рукописи X века до нас не дошли. Самые ранние списки в том числе и датированные относятся к XI в.

Ранние восточнославянские рукописи XI в., связанные с древнеболгарскими протографами, представляют большой научный интерес для истории и русского, и болгарского языков, так как в них кроме восточнославянского пласта содержится и богатый древнеболгарский языковой материал. Поэтому не случайно, что в последнее время стала разрабатываться проблема расширения источниковедческой базы истории болгарского литературного языка за счет восточнославянских списков с древнеболгарских протографов⁴.

При разработке этой проблемы надо учитывать, что при списывании древнеболгарских рукописей, особенно канонического содержания, древними писцами руководил сильный мотив священности текста. Это означало, что переписчики в принципе стремились к буквальному копированию, боясь произвольного отклонения от канонического текста. Сведения о переписывании "слово в слово" иногда дают сами писцы. Например, в рукописи Погод. 968 /ГПБ/ в приписке на л. 222об сообщается: ... написана въ книга сѣа аданасна алезанарьскы. в великомъ новѣгородѣ въ владыиунѣ дворѣ повелѣнїемъ дїакона Герасима поповни а писалъ вратъ его Мита а писати вси велѣлъ слово въ слово. писана съ списка с старыѣ книги с болгарьскыѣ.

Акростих в византийской и древнеболгарской литературе предохранял текст от более поздних текстуальных изменений. Последние очень важные открытия в области древнеболгарского акростиха⁵ подтверждают впечатление о стремлении к точной переписке древних текстов.

Но мотивом священности все же не исчерпываются механизмы, действующие при копировании текстов. Древнеболгарские рукописи должны были приспособиться к местной языковой среде, и успешно в ней функционировать. Древнерусские книжники могли бы в этой ситуации осуществить следующую процедуру: сохранив общий языковой фонд, заменить систематически различные от восточносла-

вянских древнеболгарские формы, местными древнерусскими языковыми формами. Но так не случилось, потому что мешал именно сильный мотив священности текста. Однако, с другой стороны, русификация этих рукописей есть очевидный факт. Нужно отметить, что проблема о степени и характере русификации из-за недостаточной изученности рукописного материала не решена удовлетворительно в славистике. Мнения о том, что русификация была незначительной и касалась прежде всего или только графики, орфографии и фонетики или наоборот, что она становилась все сильнее с XI по XIV вв. и охватывала широко лексику и грамматику, надо серьезно защитить сопоставительными языковыми и текстологическими исследованиями:

Изучение сохранившихся древнейших восточнославянских рукописей дает возможность проследить не первоначальную степень их русификации, которая явно началась еще в X в., а получить представление о том, что было несколько позже, в XI в. Древнерусский графико-орфографический и фонетический слой в сохранившихся древнейших восточнославянских рукописях, изучался и продолжает изучаться в славистической науке. В последние годы ценны в этом отношении своим материалом, подходом и выводами являются работы проф. Тота. По сравнению с тем, что было сделано раньше, в них не только разработана методика и обстоятельно исследуется новый материал, но и учитываются достижения в изучении древнеболгарского языка и особенно новые открытия в области эпиграфики и палеографии.

Известно, что в последние годы доказано существование ранней кириллицы в болгарской эпиграфике, показан древний характер одноерового правописания и его распространения в Преславском центре, доказано, благодаря эпиграфическому материалу Преслава, Равны, Крепчи, Силистренского района и Северной Добруджи, широкое распространение глаголицы в Северо-Восточной Болгарии и ее сосуществование с кириллицей, установлено большое разнообразие в орфографии ранних кириллических и глаголических памятников⁶ и т.д.

Среди восточнославянских рукописей XI в., безусловно важное место занимают датированные книги. К ним относится и Изборник 1073 г., списанный для Киевского князя Святослава. В Болгарии эта книга была переведена в начале X в. для царя Симеона. Изборник 1073 г. -- большой текст, содержащий около 7000 слов и свыше 90000 словоупотреблений. Исследователи письма и орфографии рукописи обычно разделяли ее на две части: основная часть с листа 86а по лист 246а и меньшая часть -- начало рукописи и запись на л. 236в. Б. Велчева с точки зрения орфографии выделяет в Изборнике 1073 г. не две, а шесть частей.

В Изборнике Святослава наблюдаем ряд особенностей, имеющих значение для исторической фонетики и грамматики восточнославянских языков. Последовательно, благодаря орфографии представлено мягкое окончание -т' в 3 л. ед. и мн.ч. глаголов, преобладает особенно до 86 л. окончание -ъмь, -ъмь в твор.пад. существительных с основой на о, јо. Изборник 1073 года дает надежные сведения об утрате ринезма в языке восточнославянского книжника, хотя правописание юсов и их древнерусских соответствий не упорядочено и все еще не выработана древнерусская орфографическая норма.

До 86 л. предпочитается правописание ър, ѡр, ѣл в отличие от остальной части рукописи, где за небольшими исключениями соблюдается древнеболгарская орфография, хотя произношение писцов едва ли было различным. Изборник Святослава дает надежные примеры о восточнославянском произношении ж на месте праславянского *dj, несмотря на то, что за исключением слова прѣже, древнеболгарские варианты правописания через жд господствуют. Например, форма надежда употреблена 34 раза, а надежа -- 1 раз, основа осжда -/осоужда 25 раз, осоужа-- 2 раза, междуѡ -- 6 раз, межн -- 2 раза и т.д.

Примеры, как полонз и производные /в рукописи есть 7 таких примеров, 6 из которых до 86 листа/ поросате, вереди, оудоровь -- все до 86 листа, подсказывают наличие полногласия в народно-разговорном языке писца. Однако по сравнению с неполногласными написаниями в рукописи они представляют редкие отклонения. То же самое можно сказать и об употреблении флексии -ѣ в род.пад.

ед.ч. и в им./вин.п. мн.ч. -ја основ, о формах товѣ, совѣ и в некоторых других.

В Архангельском евангелии 1092 г., как это известно, есть несколько почерков: первый л. 1--76б, второй, принадлежащий Мичке, л. 77--175а, третий л. 175--177, четвертый на л. 177б -- это почерк XIII--XIV в. и пятый почерк XII в. л. 178--178б. Первые три /третьему принадлежат только два листа/ относятся к 1092 г.

Первые две основные части рукописи /л. 1--76б и л. 77--175а/ показывают различия в степени русификации⁸. В то время как Мичка употребляет знак ж только в месяцеслове /9 раз в слове съвота/, а в остальных случаях он уже провел древнерусскую орфографическую норму, первый анонимный писец часто оставляет знак ж на своем этимологическом месте или пишет его на месте этимологического оу. Только у Мички встречается написание одинъ /3 раза: одинъ л. 96а и л. 101б, одного л. 129а/ и разговорное восточнославянское окончание -ѣ в род.пад. ед.ч. -ѣ ја основ и в вин.пад. мн.ч., например: недѣль л. 86б, еуфимъ л. 130, пр^оруиць л. 157б, мѹнць л. 169, сѹтъ л. 169, илиъ л. 169б, захарнѣ л. 167. Главным образом во второй части, которую писал Мичка, находим местоименные формы товѣ /у Мички 19 раз, а в первой части 1 раз/совѣ /соотношение 14:7/⁹ и слова с ж на месте *dj. В обеих частях полногласные употребления являются редким исключением: веремѣ л. 13б, берегоу л. 31б, оумерети л. 95, жерезина л. 110б/.

В обеих частях однако последовательно переведены два правила правописания: 1/ т' в 3 л. глаголов /единственное исключение форма възхѣтитѣ л. 7/ 2/ -ър-, -ьр-, -ъл- с четырьмя исключениями: тлѣцѣте л. 26б, накрѣмихомъ л. 74б, злѣуьо л. 108б, црѣкѣвъ л. 118а. Написания -ър-, -ьр- редки: възхрами л. 136а, възхъси 144б, възхъвом 147б, црѣкѣвѣ л. 102; л. 168б, ѿвърьзоуць сѣ л. 61б.

Окончание с -ъмь, -ьмь в тв.п. ед.ч. -о и -ю основ преобладает в обеих частях. Это написание явно отражает орфографическую норму, выбранную древнерусскими писцами в соответствии с народ-

но-разговорным произношением. Надо добавить, что написание с ѣмь, ѣмь не было чуждо и древнеболгарской письменности. Оно встречается в некоторых из сохранившихся древнеболгарских рукописях, напр., в Зогр. ев. гдасъмь сьльръмь, в Сав. книге ноъмь, в Син. пс. гдасъмь, штъмь, в Супр. гдасъмь, плауъмь. вомъствъмь и т.д.

Исследование материала в двух датированных древнерусских рукописях, написанных в 1073 г. и в 1092 г., позволяет проследить этап в развитии древнерусской письменной нормы. Эта норма в обеих рукописях все еще допускает варианты за исключением т' в качестве глагольного окончания. Последовательно проведено также написание ѣр, ѣр, ѣл в Архангельском евангелии, преобладает оно до 86-ого листа в Изборнике 1073 г. Писец Мичка пишет, как правило, оу на месте этимологического д. В остальных частях Изборника написание ѣр, ѣр, ѣл и оу < д варьируется.

Случаи как первое полногласие, гласный о в начале слова, окончание ѣ в род.пад. ѣа основ и т.п. отражены в Изборнике Святослава и Архангельском евангелии очень скромно и производят впечатление случайных вкраплений в текст.

Надо сказать, что картина русификации в этих двух больших рукописях очень близка к результатам, показанными И. Тотом по отношению к десяти другим ранним небольшим древнерусским рукописям и по отношению к Остромирову евангелию.

Знакомство с письмом Изборника 1073 г. и Архангельского евангелия, однако, говорит о высокой технике, об очень хорошем обучении и тщательной подготовке древних восточнославянских писцов, о наличии даже в одном и том же скриптории разнообразных орфографических школ.

Примечания

1. См. Румяна Павлова. Болгарско-русские и русско-болгарские языковые связи. София, 1979, с. 20--41. Там же и литература вопроса.

2. Э. Зыков. Заметки о русско-болгарских литературных связях старшей поры /X--XI вв./. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи 1. Л., 1976, с. 10.
3. См. В. Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X--XV вв. ТОДРЛ. т. XIX, М.-Л., 1963, с. 52.
4. С.Б. Бернштейн. Главни проблеми на историята на българския език. Изследвания върху историята и диалектите на българския език. София, 1979, с. 47--49; Румяна Павлова. Некоторые проблемы изучения языковых взаимодействий болгар и русских /X--XIV вв./. Славянска филология, т. 17. София, 1983, с. 33--39.
Когда мы говорим, что протограф какой-либо восточнославянской рукописи -- древнеболгарский, это не означает, что между протографом и конкретной рукописью не могло быть и других списков. Очень вероятно, что, например, между Изборником 1073 года и его древнеболгарским протографом были и другие, возможно, и восточнославянские списки.
5. См. Г. Попов. Триодни произведения на Константин Преславски. Кирило-Методиевски студии, кн. 2. София, 1985.
6. См. Б. Велчева. Орфография древних русских рукописей XI в. и древнеболгарская письменность. Славянска филология, т. 19. София, 1988, с. 147--148.
7. Там же, с. 149--152.
8. Пользуясь данными полной картотеки языка рукописи, имеющиеся в Лингво-текстологической лаборатории Софийского университета.
9. Цифры установила молодая коллега Т. Славова.
10. В Македонском Кириллическом листе есть написание через -ъль-, например: дъльжаѣ.